

УДК 94:328.1(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06

Кириянов Игорь Константинович

доктор исторических наук, доцент

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Пермь, Россия

ikiryanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2866-877x

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО
В ПАРЛАМЕНТСКИХ ДИСКУССИЯХ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
ПЕРВОГО И ВТОРОГО СОЗЫВОВ
ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ, 1906–1907 гг.**

Аннотация. Предметом исследования стала практика политического использования исторического знания в парламентских дискуссиях в Государственной думе позднеимперской России первого и второго созывов. Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики. Источниковую базу составили стенографические отчеты заседаний Государственной думы. Исследование проведено с применением инструментальных возможностей интернет-портала «Парламентская история позднеимперской России». Выявлены следующие приемы инструментального использования в парламентских дебатах исторического опыта/знания для разрешения проблем развития России в начале XX в.: апелляция к истории (событиям, персоналиям) в качестве весомого довода для обоснования высказываемой позиции; негативная оценка исторических познаний оппонентов с целью их политической и интеллектуальной дискредитации; объяснение происходящего в настоящем причинами из прошлого; призывы к забвению/забыванию/прощению прошлого ради социального примирения; интерпретация прошлого России для маркировки групповой идентичности партий и объединений; прошлое как негативный опыт vs великое прошлое; артикуляция исторической травмы/обиды. Установлено, что институционализация в позднеимперской России публичной политики открывала возможности для политической «мобилизации» прошлого различными акторами, включая их конкуренцию в сфере политики памяти и исторической политики. Репертуар «мобилизованного» прошлого, характер отношения к нему выполняли роль значимого маркера групповой идентичности не только для парламентских объединений, но и для избирателей. Исторический компонент превращался в важную составляющую формировавшегося в позднеимперской России гражданского типа политической культуры (культуры участия).

Ключевые слова: позднеимперская Россия, Государственная дума, парламентские дебаты, политическое использование истории.

UDC 94:328.1(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06

Kiryanov Igor K.

Doctor of Historical Sciences, Assistant professor

Perm Federal Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Sciences

Perm, Russia

ikiryanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2866-877x

**ACTUALIZATION OF HISTORY
IN PARLIAMENTARY DISCUSSIONS IN THE STATE DUMA
OF THE FIRST AND SECOND CONVOCATIONS
OF LATE IMPERIAL RUSSIA, 1906–1907**

Abstract. The paper deals with the practices of using historical knowledge at the sessions of the State Duma of late imperial Russia (1st and 2nd convocations). The theoretical framework of the study is the concept of symbolic politics. The source base is the verbatim records of the State Duma meetings. The study was conducted using the instrumental capabilities of the web portal *Parliamentary History of Late Imperial Russia*. We have identified the following techniques of instrumental use of historical experience/knowledge in parliamentary debates to resolve the problems of Russia's development at the beginning of the XXth century: referring to history (events, personalities) as a weighty argument to justify the position expressed; negative assessment of the historical knowledge of opponents with the aim of their political and intellectual discreditation; explaining what is happening in the present with reasons from the past; calls for oblivion of the past / forgetting / forgiving the past for the sake of social reconciliation; interpretation of Russia's history to mark the group identity of parliamentary parties and associations: the past as negative experience vs as great history; articulation of historical trauma / resentment. The paper shows that the institutionalization of public politics in late imperial Russia opened up opportunities for the political "mobilization" of the past by various actors, including their rivalry in the politics of memory and historical politics. The repertoire of the "mobilized" past, a certain attitude towards it served as a significant marker of group identity not only for parliamentary associations but also for voters. The historical component turned into an important component of the civil type of political culture (the culture of participation) that was being formed in late imperial Russia.

Keywords: late imperial Russia, State Duma, parliamentary debates, political use of history.

Введение. Сюжеты, связанные с политическим использованием прошлого в парламентских дебатах, популярные в исследованиях политологов, редко становятся самостоятельным предметом академического внимания у историков. Одно из первых исторических исследований подобного рода было проведено во второй половине 1970-х гг. К.-Дж. Фабером, проанализировавшим в сравнительном ключе инструментальное использование исторического знания при обсуждении польского вопроса во Франкфуртской национальной ассамблее в июле 1848 г., Брест-Литовского

мирного договора с Советской Россией в германском рейхстаге в марте 1918 г., «восточных договоров» в бундестаге ФРГ в феврале 1972 г.¹ Отечественная исследовательница М. П. Айзенштат, посвятившая анализу британской парламентской традиции применения исторической аргументации целый ряд своих работ², отмечает: «В силу значимости морального авторитета прошлого, оно превратилось в важный аргумент дискуссий. При этом исторический опыт был особенно востребован в периоды политических кризисов. К давним событиям апеллировали и представители власти, и оппозиция, их противоположные цели вели к оправданию, либо критике политики кабинета на примерах истории»³. Л. П. Репина в рецензии на монографию М. П. Айзенштат подчеркнула значимость именно исторических исследований по проблеме инструментального использования прошлого в парламентских дискуссиях: «Думаю, что изучение вопроса о том, как в разных контекстах пространства и времени формируется идеологический конструкт, трактующий события прошлого в интересах властной элиты или соперничающих политических группировок внутри нее, откроет еще немало интересного»⁴.

Между тем вплоть до последнего времени подобные сюжеты в исследованиях по парламентской истории России отсутствуют. Исключение составляет лингвистический анализ текстов думских стенографических отчетов, который позволил С. А. Громыко определить место апелляции к истории в типологии риторической аргументации, характерной для депутатов консервативной ориентации в нижней палате российского парламента начала XX в. По его мнению, «сам произвольный выбор исторических параллелей и функционирование доводов к истории в думской дискуссии говорят о том, что мы имеем дело с апелляцией к этосу (модель “так сложилось, так делали наши великие предки, поэтому и мы должны делать так”), а в ряде случаев и к пафосу (модель “это вызывает у оратора ужас, поэтому это плохо”, “это вызывает у оратора радость, поэтому это хорошо”))»⁵.

¹ *Faber K-G.* The use of History in political debate // *History and Theory*. 1978. Vol. 17. № 4. P. 36–67.

² См., например: *Айзенштат М. П.* Прошлое как компонент парламентской полемики // *Исторический факт как аргумент политической полемики*. М., 2011. С. 137–149; *Ее же.* Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019.

³ *Айзенштат М. П.* Историческое знание и политическая культура Британии XVIII в.: проблемы исследования // *Люди и тексты*. 2019. Вып. 12. С. 87.

⁴ *Репина Л. П.* События прошлого в дискуссиях настоящего: история и политика в Британии «эпохи перемен» // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 443.

⁵ *Громыко С. А.* Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе // *Международный научно-исследовательский журнал* (Екатеринбург). 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 115; *Его же.* «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной Думе Российской империи // *Вестник Томского университета. Филология*. 2018. № 2 (56). С. 28–29.

Предметом настоящего исследования стала практика политического использования исторического знания в парламентских дискуссиях в Государственной думе позднеимперской России первого и второго созывов. Источниковую базу исследования, проведенного с применением инструментальных возможностей интернет-портала «Парламентская история позднеимперской России», составили стенографические отчеты заседаний Государственной думы.

Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики в интерпретации О. Ю. Малиновой, в соответствии с которой политическое использование прошлого, политика памяти и историческая политика могут рассматриваться как «проявления *символической политики*, т. е. публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве»⁶. При этом политика имеет дело с актуализированным прошлым, конструируемым посредством отбора «исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик». Использование исторического знания, точнее социальных представлений о прошлом, для политических акторов носит инструментальный характер: они стремятся тем самым «легитимировать собственную власть, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, укрепить солидарность группы, продемонстрировать несостоятельность оппонентов, приобрести материальные и организационные ресурсы и проч.»⁷.

История двух первых созывов Государственной думы представляет особый интерес для анализа того, как трансформировалась символическая политика в Российской империи в связи с рождением публичной политики, основанной на конкурентном взаимодействии различных акторов в условиях начавшегося перехода от системы неограниченной и самодержавной монархии к системе дуалистической монархии.

Основная часть. Проведенное исследование позволило выделить основные приемы инструментального использования в парламентских дискуссиях исторического опыта/знания для разрешения проблем развития России в начале XX в.

Апелляция к истории (событиям, персоналиям) в качестве весомого довода для обоснования высказываемой позиции. Первым депутатом, кто применил данный прием, был профессор истории Н. И. Кареев, уже на втором думском заседании при обсуждении ответного адреса императору отметивший: «Мне, как историку, в данный момент приходит особенно на память 1789 год во Франции. Россия находится в настоящее время именно в том самом

⁶ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018. С. 33.

⁷ Там же. С. 32–33.

положении, в каком тогда находилась французская нация; она точно также страдала от тех самых зол, от которых страдаем мы»⁸. Чаще всего депутатами первого созыва актуализировались события Великой французской революции (5), крестьянская (11) и судебная (7) реформы эпохи Великих реформ в России. В корпусе упоминаемых депутатами первого созыва исторических персоналий отмечены Петр I, Екатерина I, Елизавета Петровна, Александр II, М. М. Сперанский, М. Т. Лорис-Меликов, Цезарь, Катон, Ш. Монтескье, Иосиф II, граф К. Бенсо ди Кавур, У. Гладстон, О. фон Бисмарк.

Негативная оценка исторических познаний оппонентов с целью их политической и интеллектуальной дискредитации. Данный прием стал применяться только со второго созыва, в котором конфронтационная модель, ранее характерная для отношений между перводумцами и правительством, стала доминирующей в политической коммуникации внутри депутатского корпуса. Ранее других стали прибегать к этому приему представители консервативного думского меньшинства, в частности С. И. Келеповский («Нельзя считать серьезным аргументом аргумент, приведенный Церетели, который почерпнут из популярной книги по истории»⁹) и В. А. Бобринский («Опять всю вину за этот закон свалили на покойного Боголепова. Это тоже несправедливо. Это только доказывает незнание современной истории Аджемовым»¹⁰).

Объяснение происходящего в настоящем причинами из прошлого. Этот прием в первых двух созывах использовали представители социалистической и либеральной оппозиции, критиковавших существующее положение в той или иной сфере общественной жизни, в частности трудовик Т. И. Седельников («В аграрных беспорядках, в наших политических преступлениях сказывается итог нашей истории, итог точный и безошибочный»¹¹); эсер И. Я. Сагателян («Чтобы знать в данном случае цель вмешательства правительства, нужно обратиться к прошлому, к недавнему прошлому этих забастовок в Баку»¹²); кадет И. В. Гессен («По словам министра юстиции, он убедился из моей речи в том, что всегда трудно было атаковать министерство юстиции на почве обсуждаемого проекта, тогда докладчик принял экскурсию к прошлому и в этом прошлом попытался отыскивать основания для того, чтобы упрекать правительство»¹³).

Призывы к забвению/забыванию/прощению прошлого ради социального примирения. Данный прием практиковался в первом созыве исключительно в связи с обсуждением вопроса об амнистии. Кадет Ф. И. Родичев, озвучивший это требование с думской трибуны, был первым, кто сформулировал идею забвения прошлого: «Когда страна охвачена порывом обновления,

⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. СПб., 1906. Ч. I. С. 155.

⁹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. СПб., 1907. Ч. I. Стб. 1570.

¹⁰ Там же. Ч. II. Стб. 943.

¹¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 28.

¹² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Ч. I. Стб. 1707–1708.

¹³ Там же. Ч. II. Стб. 1380.

когда страна жаждет успокоиться — прошлое должно быть стерто начисто»¹⁴. К этому сюжету в своих выступлениях он возвращался несколько раз: «...мы готовы были забыть прошлую деятельность людей, в руках которых была власть. Мы готовы были не вспоминать о том, что на порог обновленной России власть находится в руках лиц, работавших над угнетением страны»; «...нам бы хотелось забыть прошлое и первое условие этого забвения прошлого, нужно, чтобы забыли его те, на ком в прошлом лежит тяжкая вина. Вы знаете, господа, никто не помнит зла дольше, чем тот, кто его совершил»¹⁵. Эту идею разделяли и мирнообновленец П. А. Гейден, во многих случаях вынужденно оппонировавший думскому большинству первого созыва («мы не должны сюда приходить с воспоминанием о прошлых неправдах, о прошлой беде, мы не должны здесь разжигать чувство злобы, а мы должны быть здесь с чувством примирения и забвением прошлого и только помнить о том, что мы должны сделать в будущем»), и автономист Э. Ю. фон-дер-Ропп («Прося прощения для всех, я думаю, что Государственная Дума, которая чувствует себя как бы посредницей между Царем и народом, что она должна свое посредничество простирать тоже и на народ и обращаться совместно с теми, которые прощают. Вот поэтому мы и со своей стороны должны простить прошлое и ждать доброго желания того Государя, который выразил свое доброе желание в тронной речи»), и лидер немногочисленной фракции Партии демократических реформ М. М. Ковалевский («Мы желаем сказать: пусть прошлое будет прошлым, заживем новой жизнью!»)¹⁶.

Интерпретация прошлого России для маркировки групповой идентичности партий и объединений: прошлое как негативный опыт vs великое прошлое. Призывы к забвению прошлого, недолго звучавшие в Таврическом дворце, с одной стороны, отражали романтические настроения, свойственные начальной стадии демократического транзита; с другой стороны, были проявлением политической тактики, тогда как жесткая дихотомия в отношении к прошлому со стороны противоборствующих политических сил носила стратегический характер. Негативное восприятие прошлого отличало позицию социалистов и либералов, в частности трудовика И. В. Жилкина («проклятое прошлое», «старое прошлое»¹⁷), кадета Ф. И. Родичева («гибельное прошлое», «гнилой труп прошлого режима»¹⁸) и обрело намек едва ли не на отказ от него даже в устах профессора истории Н. И. Кареева: «Мы теперь должны основать новую Россию... которая будет существовать не сама для себя и не для охраны каких-либо исторических традиций, а будет существовать для своих граждан»¹⁹. В этой связи мирнообновленец М. А. Стахович вынужден был

¹⁴ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 24.

¹⁵ Там же. Ч. I. С. 326; Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Ч. II. Стб. 632.

¹⁶ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 83, 109, 344.

¹⁷ Там же. Ч. I. С. 84; Ч. II. С. 1361.

¹⁸ Там же. Ч. II. С. 1251, 1494.

¹⁹ Там же. Ч. I. С. 120.

с горечью заметить: «В том то и дело, господа, мы так поглощены происходящей борьбой с нашим прошлым, что, как я много раз наблюдал что, она подчиняет себе не только нашу волю, но и самое естественное, инстинктивное и самое неизбежное чувство человека, например, национальное самолюбие»²⁰. Принципиально иной подход к прошлому заявил о себе во втором созыве в выступлениях политиков консервативной ориентации, начиная с председателя Совета министров П. А. Столыпина («Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории», «великое прошлое России», «долг хранить исторические заветы России»²¹), которого активно поддержали представители правого крыла — И. П. Созонович («вот такая разрушительная работа, направленная против нашей русской государственности, против нашего прошлого, созданного нашими предками, такая борьба ведется уже два года»), В. М. Пуришкевич («века прошлого, славного, неизгладимого прошлого, на которое мы не имеем права посягать»), В. В. Шульгин («вся история тут в том, чтобы поднять волну ненависти и злобы против <...> русской истории, против ее прошлого»)²².

Артикуляция исторической травмы/обиды. Первыми о своей исторической обиде напомнили с думской трибуны крестьянские депутаты. Так, трудовик Л. И. Лопас заявил при обсуждении аграрного вопроса: «Сейчас же и после освобождения они не забыли всего того, что им пришлось на себе испытать. В среде крестьян существуют свои традиции. Из поколения в поколение передается история о том, как секли их и обращались с ними, ровно как со скотом, <...> они этого не забыли»²³. Во втором созыве получил применение прием этнизации воспоминаний о социальной несправедливости, в частности трудовиком, членом украинской группы Е. А. Сайко («Теперь, господа народные представители, я скажу, что с этой трибуны говорили от имени Царства Польского, здесь мы слышали представителей Кавказа и киргизов — и меня послали особо сказать несколько слов здесь о земле другого края, того края, который летописец в XII в. окрестил именем благодатной Украйны»²⁴) и членом мусульманской группы, крымским татарин Р. М. Медиевым («Я вам прочту то место наказа, где мои братья татары жалуются на свою судьбу. «Мы, татары, знаем, что не сладко живется теперь всем подданным русского государства. Теперь и самим русским живется тяжело, а нам, татарам, и другим иноплеменным народам приходится еще тяжелее, потому что мы страдаем, во-первых, от того же самого, от чего страдают и все русские люди, а кроме того, во-вторых, есть у нас беды и напасти, которые лежат только на нашем народ. <...> Все здешние земли были когда-то землями нашего народа, и все перешли в другие руки разными правдами и неправдами, и мы, татары, получили за них гроши или не получили вовсе ничего. Многие из нас были

²⁰ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. II. С. 1819.

²¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Ч. I. Стб. 110, 119, 120.

²² Там же. Стб. 146, 1014, 1141.

²³ Там же. С. 416–417.

²⁴ Там же. Стб. 1313.

обмануты и не могли найти правды ни в каком суде»²⁵). Между тем исключительно в этноконфессиональном варианте артикулировалась историческая травма польскими депутатами, например Я.- С. С. Стецким: «Между этими народами, которых силится разложить и обезличить тот самый режим, который восстановил против себя русский народ, есть один, представляемый здесь нами, — это народ польский. Он по своему прошлому, по своей обособленной культуре, по своей политической зрелости занимает первое место в ряду обиженных нынешней политикой, а потому стоит также в первых рядах тех, кто добивается свободы. Он не прекращал борьбы в течение целого столетия, отстаивая свои гражданские и национальные права, и не прекратит ее до тех пор, пока не осуществит заветов чувств и мыслей своих: свободы народного развития»²⁶.

Заключение. Институционализация в позднеимперской России публичной политики открывала возможности для политической «мобилизации» прошлого различными акторами, включая их конкуренцию/противоборство в сфере политики памяти и исторической политики.

В Государственной думе первого и второго созывов прошла апробацию практика инструментального использования исторического опыта/знания при решении современных проблем, оформился арсенал приемов подобной практики, получивших развитие в третьем созыве, исключая, правда, призывы к забвению/забыванию/прощению прошлого, не вписывавшимся в победившую модель конфронтационного парламентского взаимодействия.

Репертуар «мобилизованного» прошлого, определенный знак отношения (+ / –) к нему выполняли роль значимого маркера групповой идентичности не только для парламентских объединений, но и для избирателей. Вместе с тем слова одного из лидеров российских правых той поры В. М. Пуришкевича: «Господа, мы делаем историю будущего, но история прошлого уже есть, она за нами, и мы должны, мы обязаны знать ее и знать хорошо»²⁷, — свидетельствуют, что исторический компонент превращался в важную составляющую формировавшегося в позднеимперской России гражданского типа политической культуры (культуры участия).

Литература

1. Айзенштат М. П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. 214 с.
2. Айзенштат М. П. Историческое знание и политическая культура Британии XVIII в.: проблемы исследования // Люди и тексты: исторический альманах. 2019. Вып. 12 / отв. ред. М. С. Бобкова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. С. 76–95.
3. Айзенштат М. П. Прошлое как компонент парламентской полемики // Историк и общество. Исторический факт как аргумент политической полемики / отв. ред. М. П. Айзенштат. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 137–149.

²⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Стб. 1792–1793.

²⁶ Там же. Стб. 905.

²⁷ Там же. Ч. II. Стб. 1284.

4. Громыко С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной Думе Российской империи) // Вестник Томского университета. Филология. 2018. № 2 (56). С. 23–33.
5. Громыко С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе) // Международный научно-исследовательский журнал (Екатеринбург). 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 112–115.
6. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
7. Репина Л. П. События прошлого в дискуссиях настоящего: история и политика в Британии «эпохи перемен» // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 438–444.
8. Faber K.-G. The use of history in political debate // History and Theory. 1978. Vol. 17. № 4. P. 36–67.

References

1. Aizenshtat M. P. Istoricheskoe znanie v politicheskoi kul'ture Britanii vtoroi poloviny XVIII veka [Historical knowledge in the political culture of Britain in the second half of the XVIIIth century]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2019. 214 p. (In Russ).
2. Aizenshtat M. P. Istoricheskoe znanie i politicheskaiia kul'tura Britanii XVIII v.: problemy issledovaniia [Historical knowledge and political culture of Britain in the XVIIIth century: research problems] // Liudi i teksty: istoricheskii al'manakh. 2019. Vyp. 12. / ed. by M. S. Bobkova. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2019. P. 76–95. (In Russ).
3. Aizenshtat M. P. Proshloe kak komponent parlamentskoi polemiki [The past as a component of parliamentary controversy] // Istorik i obshchestvo. Istoricheskii fakt kak argument politicheskoi polemiki / ed. by M. P. Aizenshtat. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2011. P. 137–149. (In Russ).
4. Gromyko S. A. «Natsional'nyi argument» v russkoi parlamentskoi ritorike (na materiale diskussii v Gosudarstvennoi Dume Rossiiskoi imperii) [“National argument” in Russian parliamentary rhetoric (based on the discussion in the State Duma of the Russian Empire)] // Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya. 2018. № 2 (56). P. 23–33. (In Russ).
5. Gromyko S. A. Obrashchenie k istorii kak ritoricheskii argument v russkoi parlamentskoi rechi (na materiale vystuplenii deputatov-natsionalistov v dorevoliutsionnoi Gosudarstvennoi Dume) [Appeal to history as a rhetorical argument in russian parliamentary speech (based on the speeches of Nationalist deputies in the pre-revolutionary State Duma)] // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (Ekaterinburg). 2017. № 7 (61). Ch. 1. P. 112–115. (In Russ).
6. Malinova O. Yu. Politika pamiati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The politics of memory as a domain of symbolic politics] // Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati / ed. by A. I. Miller, D. V. Efremenko. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018. P. 27–53. (In Russ).
7. Repina L. P. Sobytiia proshlogo v diskussiiakh nastoiashchego: istoriia i politika v Britanii «epokhi peremen» [Events of the past in discussions of the present: history and politics in Britain's “Era of Change”] // Dialog so vremenem. 2020. Vyp. 73. P. 438–444. (In Russ).
8. Faber K.-G. The use of history in political debate // History and Theory. 1978. Vol. 17. № 4. P. 36–67.